

Каллистратидис Е. В. Экспрессивные этнонимы и квазиэтнонимы в неформальной интернет-коммуникации: функциональный и этический аспекты / Е. В. Каллистратидис // Научный диалог. – 2013. – № 10 (22) : Филология. – С. 88–97.

УДК 811.161.1'373.235+811.161.1'42+81:572

Экспрессивные этнонимы и квазиэтнонимы в неформальной интернет-коммуникации: функциональный и этический аспекты

Е. В. Каллистратидис

Рассматриваются вторичные наименования представителей национальных и этнических групп, употребляющиеся в русскоязычном неформальном сетевом общении. Нестандартные обозначения людей по этническому признаку условно разделены на две группы: 1) нейтральные нестандартные этнонимы, 2) экспрессивные этнонимы. Приводятся случаи, когда этнонимы в форме множественного числа выступают в качестве обозначений сборных команд государств. Исследуется зависимость экспрессивно-оценочного потенциала вторичных наименований представителей национальных и этнических групп от контекста и коммуникативной ситуации. Анализируется тактика языкового комментария, к которой прибегает Интернет-пользователь: участник общения, пытаясь сгладить конфликт, подчеркивает, что употребляемый им этноним является обозначением лишь некоторых представителей этноса, а не всей национальной общности. Устанавливается, что пояснение значения слова связано в действительности не со стремлением адресанта предотвратить возможный коммуникативный провал, а напротив – с его желанием создать конфликтную ситуацию. Особое внимание уделяется этическому аспекту использования подобных единиц в новом медиальном пространстве. Автор приходит к выводу, что использование экспрессивных этнонимов ориентировано одновременно и на оскорбление оппонента, и на под-

держание испытываемого единомышленниками чувства национального превосходства.

Ключевые слова: интернет-коммуникация; интолерантное речевое поведение; экспрессивные этнонимы; языковая игра.

Интернет представляет собой многоуровневое коммуникативное пространство и является уникальным технологическим новшеством, радикально меняющим представления человека о своем месте в обществе. Повсеместно постулируемые свобода, анонимность и бесконтрольность сетевого общения позволяют его участникам выражать те стороны своего «я», которые по тем или иным причинам в мире offline остаются нереализованными. Как отмечает Н. Г. Шаповалова, «Интернет как новая медиальная культура связан с миропониманием эпохи постмодерна, для которой характерны атомизация социального, отставание права на альтернативный образ жизни» [Шаповалова, 2007, с. 171]; при этом критика существующего порядка вещей, личностных и общественных отношений и манифестация альтернативного мировидения могут принимать достаточно резкие, даже агрессивные формы.

Отсутствие четких правил вербального поведения, необходимость выделиться на фоне других участников коммуникации, создающих поток информации и пользующихся его возможностями, и острое желание выразить себя заставляет говорящего искать нетривиальный, творческий подход к языку, ставить с ним эксперименты, выбирать неожиданные номинации, обладающие мощным экспрессивным потенциалом. Часто для обозначения значимых объектов окружающей действительности (и не только сетевой) пользователи прибегают к реноминации, суть которой состоит в «подборе нового, отличного от конвенционального, то есть закрепленного в данной национально-языковой традиции, плана выражения при обозначении и отсылке к определенным социально значимым и этически отмеченным концептам и ситуациям» [Пташник, 2010, с. 4]. Использование в речи таких единиц при наличии общеупотребительных нейтральных наименований напрямую связано с реализацией эстетического приема остранения, «который происходит из желания говорящего услышать новое и неожиданное звуковое сочетание» [Химик, 2000,

с. 62], выражается в «деавтоматизации словоупотребления» [Химик, 2000, с. 114] и «в общем виде <...> сводится к отталкиванию от общенародного языка, в частности к такому разрыву скрытого и стертого отношения между означаемым и означающим, которое воспринимается именно на фоне этого отношения» [Ревзин, 1962, с. 33]. Суть акции остранения заключается в том, что адресант не только делает свою речь неординарной, но и в то же время вычленяет из общей ситуации объект реальной действительности, преподнося его реципиенту как нечто уникальное, единичное и, как следствие, заслуживающее особого внимания. Среди множества инноваций, употребляемых участниками неформальной интернет-коммуникации, можно выделить единицы с общей семой 'человек', являющиеся результатом категоризации социальной действительности. Личность смотрит на себя со стороны, пытается разобраться в нестабильных общественных отношениях и делит себе подобных на группы по тому или иному признаку, выражая свое отношение к каждой из них с помощью специфического наименования. Так, в узусе неформального сетевого общения появляется целый ряд вторичных номинаций человека по признаку его принадлежности к некоторой национальной или этнической общности.

В текстах, манифестирующих нерегламентированное интернет-общение, для реноминации народностей и этнических групп могут использоваться просторечные и сниженно-разговорные единицы, как нейтральные, так и экспрессивные (*храниузы, храниузики, амеры, даги* и т. д.), иноязычные лексемы и искаженные эндоэтнонимы (*незалэжны, незалежные, дойчи, суомы, эсти, холланды, пановья* – только во мн. ч.), нейтральные наименования племенных групп, вошедших в современную национально-этническую общность (*норвеги, ляхи, швабы, эсты, литы, англы, англо-саксы, галлы*), устаревшие этнонимы (*гишпанцы*), фонетические / графические искажения нейтральных наименований, отражающие иностранный акцент (*эстооонцы, рюжке*), каламбурные обыгрывания, основанные на псевдовосстановлении внутренней формы нейтральной единицы или на фонетическом / графическом сближении этнонима с другой лексемой, часто сниженной или даже обценной (*эСэСтонцы, окраинцы, обокраинцы, приболты*), метафорические наименования, основанные

на фонетических ассоциациях (*грызуны, финики, поленья, полоний* – только в ед. ч.).

Рассматриваемые нестандартные обозначения национальностей можно условно разделить на две основные группы: 1) нейтральные нестандартные этнонимы, 2) экспрессивные этнонимы. При этом оценочный потенциал некоторых единиц зависит от ситуации их употребления, поскольку негативные коннотации наименования могут актуализироваться в одних контекстах и нивелироваться в других.

Нестандартные этнонимы, семантика которых не содержит негативных коннотаций, в рамках неофициального сетевого общения встречаются практически повсеместно и могут употребляются не только в нейтральных контекстах, но и в репликах, содержащих положительную оценку представителей какой-либо народности, например:

– *Даааа, **Пишки** красава, а вот Италияыцы не очень!* – об игре сборных Польши и Италии по баскетболу (www.livetv.ru/eventinfo, 25.11.2011) (здесь и далее при цитировании сохраняется оригинальная орфография и пунктуация. – Е. К.);

– *«Потрясающее качество» в Гореньи от АЕГа – Горенье его младший брат ;) Можете сравнить модели, у некоторых даже индексы совпадают. А поляки всё-таки **пишки** а не **пишки*** (www.mastercity.ru/vforum, 09.06.2011).

Чаще всего такие единицы встречаются на спортивных форумах в репликах болельщиков, регулярно использующих нестандартные этнонимы для обозначения сборных команд тех или иных государств:

– *Худшие вратари в Европе у **англов*** (www.sports.ru/tribuna, 13.06.2010);

– *Спортпрогноз. Наши-**гишпанцы**. Победим-нет?* (www.audi-club.ru/forum/, 26.06.2008);

– *ты правда веришь шо **хишпанцы** не будут в финале играть? мне вот с трудом в это верицо* (www.boards.auto.ru/, 25.06.2008);

– *На евро могут перейти **храницузы, хишпанцы, херманцы, холанды и хитальянцы*** (www.seonet.by/, 08.03.2009).

Возможно, в отдельных случаях нестандартный этноним, использующийся для обозначения команды-противника, является способом языковой манифестации оппозиции «свой – чужой», но затрагива-

ющей не межнациональные или межкультурные отношения, а связанной с осмыслением ситуации спортивного соревнования («наши игроки – их игроки»). Нестандартная единица может выражать негативное отношение говорящего к обозначаемой команде (но не к народу в целом): *думаю **хрэнцузы** выиграют, хотя я им желаю чтобы сыграли в ничью. Нефиг им дальше идти. Итак на прошлом чемпионате им скачуху сделали.* (www.ct.kz/topic, 06.06.2002). По всей видимости, семантически нейтральные нестандартные этнонимы (обычно это русифицированные эндоэтнонимы, просторечные или устаревшие единицы) выполняют идентификативную, рекреативную и фатическую функции: с их помощью говорящий подчеркивает неофициальность коммуникативной ситуации, а также готовность к общению с целью развлечения, приятного времяпрепровождения и, возможно, дистанцируется от мира не-болельщиков.

Этнонимы, в семантике которых присутствуют негативные коннотации, встречаются практически в любых ситуациях неофициального сетевого общения и употребляются посетителями новостных порталов и сайтов с широкой политической и культурологической тематикой при обсуждении тем, затрагивающих отношения РФ с республиками бывшего Советского Союза, а также проблемы внешней и внутренней миграции. Номинации, выражающие негативное, презрительное или пренебрежительное отношение адресанта к представителям /-ю той или иной национальности или этнической общности (либо ко всему народу в целом), являются маркерами так называемого «языка вражды» и вербальным воплощением оппозиции «свой – чужой», которая «как в сознании человека, так и в языке имеет онтологический статус» [Грищенко, 2007, с. 178]. По этой причине в контекстах их употребления часто присутствуют лексемы, в семантике которых содержится (или может содержаться и актуализируется с помощью паралингвистических средств) указание на отчужденность, – так на языковом уровне выражается стремление говорящего обозначить «чужих», оппонентов, врагов: *Правильным курсом идёт, **незалежны!** Скоро на вас весь мир будет смотреть как на **прокаженных клонов** вашего Гаранта! И только **грызуны, приболты и пшеки** – такие же **изгои**, как вы – останутся вашими **«друзьями»**. Если, конечно, все вы выживете после кризиса* (www.from-ua.com, 11.06.2011).

Для вербализации отрицательной характеристики «чужих» часто используются широко распространенные в разговорной речи экспрессивные этнонимы с ярко выраженным оценочным потенциалом, усиливающимся за счет сочетания наименования с образованным от него топонимом, людически маркированными элементами и инвективной лексикой:

– *при старике такой сра/ной толерастности тупо не было – сразу же **чурбан** - самолет (поезд) – **чурбекистан**. Забыли, бляхмуха, 90-е, а зря((((www.news.rambler.ru, 26.06.2011);*

– *сам почти **какол**, живу в **каклостане**, срать хотел на эту **уркаину какольскую**. как сие вроде-бы гособразование ко мне относится - так и я к нему т.е. по свински (www.forum.for-ua.com, 19.05.2011).*

Однако наибольшим конфликтным потенциалом обладают единицы, представляющие собой игровые искажения общеупотребительных этнонимов (*окраинцы, обокраинцы, уркаинцы, приболты, проболты, приботы*) и метафорические наименования, основанные на игровом переосмыслении фонетических ассоциаций (*финики, грызуны, поленья*), причем единицы такого рода не являются собственно окказионализмами, они тиражируются пользователями и входят в узус неформального сетевого общения. Функционирование наименований, основанных на каламбурном сближении нейтральной единицы с другим словом, казалось бы, логически с ней не соотносимым, а тем более с субстандартной единицей или инвективой, является не столько проявлением наивной веры говорящих в обязательность связи сигнификата и референта, сколько игрой в народную этимологию, способной выразить целую гамму негативных эмоций. Такие номинации могут по-разному восприниматься реципиентами: для «своего» – это игра слов, удачная языковая шутка, для «чужого» – жестокое оскорбление. Соотнесение в рамках одной номинации нейтрального этнонима и инвективы носит гротескный характер, а всякий гротеск, вырванный из смехового мира, лишенный комизма, страшен и трагичен.

Часто фрустрирующий эффект усиливается за счет одновременного использования нескольких сниженных квазисинонимов, а также употребления в рамках одного высказывания или сверхфразового единства как экспрессивного этнонима, так и соответствующей ему общеупотребительной номинации:

– *то есть, к пановьям-ляхам- пшекам ты толерантен, а инспектор напугал?* (www.forum.theprodigy.ru, 25.03.2011);

– *Эстонцы добрались и до наших памятников (ЭСЭстонцы)!!!* (www.slovonovo.ru/term, 25.06.2011);

Так адресант подчеркивает акт реноминации и демонстрирует адресату сам процесс реализации эстетического приема остранения, что способствует эмоциональной и психологической разрядке говорящего, который получает удовольствие от самого процесса игры с языком и при этом выражает свое негативное отношение к объекту номинации.

В ряде случаев пользователи пытаются уточнить значение употребляемой единицы, объясняя, что наименование в их речи указывает не на всю национальную общность, а лишь на некоторых ее представителей, таким образом, круг «чужих» сужается:

– *Из статьи очевидно, что афтар «пшек». Не поляк. Поляки хороший народ. Не лях - это мифические существа из высших сфер. Пропитанные сарматством. Таких уже нет. Они легенда. Просто «пшек», от слова «пшик»* (www.belgazeta.by/forum/, 31.05.2011);

– *Теперь о т.н. злобе в отношении **грызунов**. Что вы, какой злоба? Во-первых, НАРОД и отдельно **грызуны**, как часть народа – это разные вещи. Уже понятийная чехарда.* (www.warandpeace.ru/ru/commentaries, 30.06.2011).

Однако в большинстве случаев метаязыковой комментарий, сопровождающий потенциальную инвективу, не смягчает, вопреки ожиданиям, фрустрирующий эффект сообщения, а подчеркивает пренебрежительное отношение адресанта к объекту номинации и свидетельствует о сознательном характере употребления стилистически и эмоционально маркированной единицы: *Stokan, да все мы знаем смысловое значение слова «свидомый». Но надо же так было **свидомым** постараться что оно приняло насмешливый оттенок. Так что не надо тут защищать слово. Слово не причём. Это **свидомые** его испохабили.* (www.politforums.ru/arena, 22.06.2011). Выбор внутренней формы лексемы может носить иронический и даже оскорбительно-насмешливый характер, способствуя реализации дискредитирующей стратегии участников диалога: *шпротоеб – это фрейдистская аллюзия расширенного сознания на фоне сузившейся*

территории и трудного зеленокукумского децтва бессвитаминов (<http://quote.rbc.ru/forum/index.php?showtopic=8879418&st=69240&p=3026239&#entry3026239>, 12.01.2011). Обращение к языковому коду (то есть попытка объяснить значение слова, дать определение) связано в действительности не со стремлением адресанта предотвратить возможный коммуникативный провал, а напротив – с его желанием создать конфликтную ситуацию.

Использование экспрессивных этнонимов способствует возникновению семантического, эмоционального и коммуникативного напряжения, их употребление может быть ориентировано одновременно и на оскорбление оппонента, и на поддержание испытываемого единомышленниками чувства национального превосходства. В ряде случаев представляется невозможным разграничение осознанной или непреднамеренной пропаганды ксенофобии и социальной критики, высказанной в резкой форме в соответствии с представлениями говорящего о нормах сетевого общения. Стремясь шокировать «непосвященных», то есть пользователей, не привыкших к развязному поведению участников общения в сети Интернет или нежелающих с ним мириться, агрессивно настроенные коммуниканты нарушают этические запреты, выражают в оскорбительной форме заведомо некорректное, но далеко не всегда искреннее отношение к тем или иным проблемам, обсуждая вопросы с ярко выраженным интолерантным потенциалом. Социальный протест пользователей может последовательно выражаться в их антиповедении, то есть в «такой форме намеренного и сознательного отклонения от общепринятой или предписываемой (рекомендуемой властными идеологическими кругами) нормы поведения, которая содержит (в большей или меньшей степени) интенцию на дестабилизацию сложившегося культурно-социального порядка» [Юрков, 2003, с. 19]. Такое разрушение норм имеет «ориентацию на хаотизацию действительности», носит «сознательный характер» и всегда публично, «рассчитано на общественный резонанс, внешнюю реакцию, в чем проявляется его ролевая (театрализованная) субстанциальность» [Юрков, 2003, с. 20]. Будучи обусловленным техническими особенностями канала связи, протестное поведение участников интернет-коммуникации практически всегда реализуется в языковой форме, повсеместно постули-

руемая самими же пользователями свобода сетевого общения приводит к опрокидыванию языкового стандарта и искажению моральных принципов. Говорящий может осознавать соответствие своего вербального поведения конкретной ситуации общения в сети Интернет, однако никогда не может быть уверен в конечном числе реципиентов, а значит – и потенциальных инвектумов. Как отмечает О. В. Лутовинова, «свобода и ответственность в рамках виртуального дискурса не связаны в сознании коммуникантов», более того – «свобода ассоциируется с вседозволенностью, с тем, что запрещено какими-либо правовыми или этическими нормами в ситуациях реального общения, а в виртуальной среде не порицается (или порицается не так сильно)» [Лутовинова, 2009, с. 50]. Далеко не всегда понятно, как соотносится свобода речевого поведения виртуальной личности с ответственностью (в том числе и юридической) реального человека, прячущегося под маской интернет-коммуниканта.

Литература

1. *Грищенко А. И.* Источники экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты / А. И. Грищенко // Активные процессы в современной лексике и фразеологии : материалы международной конференции. – Москва, Ярославль : Ремдер, 2007. – С. 40–52.
2. *Лутовинова О. В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса / О. В. Лутовинова. – Волгоград : Перемена, 2009. – 496 с.
3. *Пташник М. И.* Система реноминативных приемов в современном публицистическом дискурсе (на материале русского, английского и испанского языков) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / М. И. Пташник. – Ростов-на-Дону, 2010. – 23 с.
4. *Ревзин И. И.* Совещение в г. Горьком, посвященное применению математических методов к изучению языка художественной литературы / И. И. Ревзин // Структурно-типологические исследования. – Москва : Издательство АН СССР, 1962. – С. 285–293.
5. *Химик В. В.* Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен / В. В. Химик. – Санкт-Петербург : Изд-во филолог. ф-та СПбГУ, 2000. – 272 с.
6. *Шаповалова Н. Г.* Карнавальное общение в Интернете (на материале сайта www.udaff.com) / Н. Г. Шаповалова // Вестник Челябинского государ-

ственного университета : серия «Филология. Искусствоведение». – № 20 (вып. 16). – Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2007.– С. 164–167.

7. *Юрков С. Е.* Под знаком гротеска : антиповедение в русской культуре (XI – начало XX вв.) монография / С. Е. Юрков. – Санкт-Петербург : Летний Сад, 2003. – 210 с.

©**Каллистратидис Евгения Владимировна (2013)**, преподаватель, кафедры русского языка для иностранных учащихся, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону), evakallas@rambler.ru.